

ЭКОНОМИКА... ТВОРЧЕСТВА

ПОДХОДЯТ к концу гастролы в Сиктивкаре Кировского драматического театра. Трудно сказать однозначно, были ли они успешными. Да — если говорить о том, как принимались спектакли, об атмосфере соучастия, рождаемой сценическим действием, игрой артистов. Если вести речь о заполненности зала, то аншлагов было немного. И, думается, в том не вина театра.

— Мы были крайне удивлены, узнав, что на «Севастопольском вальсе» сидело... 60 зрителей, — с этого начался наш разговор с главным режиссером Кировского драмтеатра М. А. Салесом. — А если зритель не идет в свой театр, из гастрوليрующих его привлекут разве что самые именитые.

В «именитые» Кировский пока не выбился. Но в том, что коллектив этот незаурядный, с крепкой труппой, где есть по-настоящему одаренные люди, нет сомнений. Иначе вряд ли бы он получил

право участия в театральном эксперименте, с которым сегодня связывается столько надежд. И беседа моя с М. А. Салесом была, признаюсь, продиктована не только интересом к хорошему коллективу, но и «корыстью» — опыт в эксперименте может стать завтрашней повседневностью. Он позволил по-новому взглянуть на понятия, казалось бы, в искусстве несопоставимые — творчество и экономика. А это диктует и особое отношение к репертуару, и формы работы со зрителем, и требования к труппе. И здесь есть чему поучиться у наших соседей.

— Можно, конечно, Михаил Абрамович, посокрушаться по поводу «нетеатрального» города Сиктивкара. Но будем справедливы: составные вашей гастрольной афиши далеко не равнозначны. Рядом с «Ревизором», глубокими спектаклями по пьесам Монтвила, Мережко, Разумовской — «Авантюри-

стка», «Развод перед свадьбой»...

— Не в оправдание, а той же объективности ради скажу, что размеры сцены республиканского драмтеатра, где мы играем, не позволили нам привезти ряд спектаклей, которые были бы интересны зрителю. И по мере накопления репертуара с некоторыми названиями, которые сегодня присутствуют в афише, мы без особого сожаления расстанемся. Эксперимент дает нам возможность работать на это накопление, на задел.

— Каким образом?

— Сейчас мы сами определяем количество спектаклей, которые будем ставить в течение сезона — шесть со сказкой.

— Но ведь это очень много!

— А было восемь! Так можно ли всерьез при такой гонке вести речь о качестве? Имея задел, мы в будущем сможем ставить в год, скажем, три новых спектакля. И именно те, которые хотим, ко-

торые нужны сегодня зрителю.

— А какие нужны зрители?

— Убежден: те, что на острие жизни. По-моему, всем требованиям дня сегодняшнего отвечает «Ревизор». Выявляя гротесковую сторону пьесы, мы стремились сделать спектакль предельно ироничным, острым и обязательно смешным. Пусть люди смеются над пороками, но пусть в смехе не утонет главное — призыв к очищению от скверны...

«Ревизора» мы сдали художественному совету за четыре месяца до того, как он «пришел» к зрителю. А раньше как было? Утром сдаем художественному совету, вечером — реперткому, а на следующий день — премьеры. Сдача превращается в пустую формальность, когда внести какие-то существенные коррективы уже невозможно практически. А художественный совет у нас работает великолепно — сдать ему спектакль очень трудно. Тут никаких авторитетов не при-

нается, главное — уровень.

— Значит, эксперимент освободил вас от мелочной опеки органов культуры?

— Да, мы получили права на самостоятельность и большую свободу действий. Но ведь и ответственность наша возросла. У меня одно требование к актеру — на сцене он должен не играть, а проживать свою роль. В этом нет ничего нового, но это самое трудное: разные люди, разные школы. А как сказать актеру, живущему прежними заслугами, остановившемуся в росте, что он давно не первый, и не имеет права претендовать на главную роль? Нам дано право самим распределять надбавки к зарплате. От уравниловки отказались, создали совет режиссеров. Он и определяет творческие возможности актера. Исключены ли тут ошибки? Нет. Но если меня коллектив выбрал, значит он доверяет мне. Раз ошибусь — поправят. Но если последует цепь ошибок, откажут в доверии — переизберут. И надбавки не постоян-

ные, а, как мы их называем, «блуждающие» — на три месяца, мы же видим человека в работе — в спектакле, на репетиции.

— Насколько я знаю, Кировский драмтеатр сейчас на ремонте. Вы дома — редкие гости. И в связи с этим два вопроса: как на гастрольных вы умудряетесь готовить новые спектакли и обеспечиваете ли необходимую прибыльность?

— У нас нет другого выхода: мы обязаны пополнять репертуар новыми названиями. А значит — ставить, репетировать, показывать премьеры. И поэтому мы отказались от выездных спектаклей. Раньше как было? На стационаре сыграли 30 спектаклей при заполненности зала 60 процентов, на выезде — вдвое больше с перевыполнением кассового сбора. Люди работали на износ, качества нет, на репетиции времени нет. И настроения, естественно, нет.

Готовясь к последним длительным гастролям по Дальнему Востоку (Хабаровск, Владивосток), мы совсем по-новому подошли к их организации. Билеты определили в 3 рубля 50 копеек. Риск был большой, учитывая, что мы планировали получить от гастролей 146 тысяч рублей. А дали почти 200 тысяч. (Сегодня на нашем счету около 400 тысяч—доходы). Играли только на стационаре (сколько бензина сэкономили), поменяли всю рекламную продукцию (у нас сегодня только офсетные афиши), выпустили газету, сделали фильм о городе и театре, были и буклеты...

— Как театр распоряжается доходами?

— Это и надбавки к зарплате, о которых я говорил, это и возможность иметь новое оборудование (пульта, мониторы), собственный эстрадный ансамбль (в нем профессиональные музыканты, которых, кстати, сиктивкарцы видели в спектакле «Встреча»).

В цехах мы вводим бригадный подряд — в бутафорском, например, работают не пять, а четыре человека. Практикуем совмещение должностей... Хороший работник должен хорошо зарабатывать.

Доходы дают нам возможность и по-новому строить работу со зрителем — он должен знать, что его уважают. В театре мы, например, после ремонта планируем открыть детскую комнату, помещение оборудовать, где бы можно было проводить диспуты, обсуждение спектаклей. Добиваемся открытия городских театральных касс — киосков, где продавались бы билеты и рекламная продукция. Хочется иметь свой агитавтобус. Но главное, повторюсь, репертуар, качество.

— Какие спектакли вы собираетесь включить в свою афишу?

— «Я пришел дать вам волю» Шукшина, «Звезды на утреннем небе» Галина, «Голый король» Шварца, «Самоубийцы» Эрдмана, пьесу нашего местного драматурга Ситникова «На сквородке»... Очень важно, чтобы в репертуаре прослеживалась линия, чтобы идейно спектакли дополняли друг друга.

— Практикуете ли вы приглашения режиссеров?

— Я считаю, что в театре должен быть один почерк. И если уж приглашать, то важно, чтобы это приглашение не было случайностью, погоней за «именем». Чтобы режиссер чувствовал именно этот театр.

Пока много трудностей, много сложностей, но мне (может быть, кому-то это покажется странным) нравится работать в экстремальной ситуации, когда проверяется человек, проверяется коллектив. Какие-то итоги эксперимента подводить рано, но и плюсы и минусы его — это путь к перспективной модели театра.

Беседу вел
Л. ЗЫЛЬ.

Корр. «Красного знамени».

На снимках: сцены из спектакля Монтвила «Скажи смерти «нет»!

Фото Ю. Осетрова.

